
Есть миры, где мы не при делах,
О которых строим лишь догадки,
Где все черное отмыто до бела,
Все уравновешено и гладко.

Не было в истории у них
Авеля и Каина – двух братцев.
Мир наш с пылу с жару, как возник,
Был с гнильцой – не стоило и братья.

Не было в истории у них
Несуразных вавилонских башен.
Сколько мы настроили таких,
Возведем – и с башни палкой машем.

Все у них разумно, без затей.
Это мы, – сказать не бережемся:
«Боже мой, избавь нас от друзей,
А с врагом мы сами разберемся!»

Это мы, позвав: «Приди, владей!»
Возопим потом, кусая локти:

«Боже мой, избавь нас от вождей!» –
Тех, кому вострили сами когти.

Это мы – невольники, рабы,
Отданы любимым во владенье.
«Боже мой, избавь нас от любви!»,
От себя самих на самом деле.

Кубер-Педи

«Завтра не приходит никогда» –
Говорят добытчики опалов.
Жизнь – пустопорожняя руда
И опалов в ней чертовски мало.

Оттого и главное – копать,
Повезет – и жила попадетсЯ.
В том и смысл, чтоб смысла не искать.
Как ни странно, что-то остается.

Кроме лабиринтов узких нор,
Вырытых в горячечном кураже,
Рукотворных холмиков и гор –
Бесконечных кряжиков и кряжей.

Кроме прихотливости имен
Бузатеров против жизни постной,
Что обсели плотью каждый склон
И как Бог играют с Богом в кости.

Что-то поценнее, чем опал,
Красивей, чем черно-красный камень.
Все, что ты нашел, что потерял –
Это только то, что между нами.

Инстинкт

Очередь на *аккаунтере*, проще сказать – на кассе
У самого южного выхода, если смотреть на карте.

Кассирша по-неосторожности помидор уронила на пол
И он покатился в сторону, будто скакал на лапах.

Клиент – англосакс с бородкой – даже не шелохнулся,
И никто из стоящих в очереди к овощу не рванулся.
Пришлось кассирше (что делать?) выйти из-за прилавка
И, натужась, сердешной – достать его смуглой лапкой.

Что-то витало в воздухе, мешало врожденной прыти,
Связывало стоящих одной неразрывной нитью.
Истина жалась рядом, ступая тяжко на пятки –
Кассирша была в хиджабе – беременной азиаткой.

Действовала на нервы приклеенная улыбка,
И подступала горечь истины, падшей низко:
Жалко было до боли скрученных в свиток нравов,
И – что необратимо неприязнь сделалась правой.

Австралия

Твои касанья – ласки костолома
Ты завываешь за ребром оконным,
Опасным жаром на мое плечо
Расплавленным ложишься сургучом.
Мне по два раза меж рассветом и закатом
Весну сменяешь летом и обратно,
И выдаешь за местного гурУ
Хвостатого, больного кенгуру.
Кривишь ты губы – не похож и близко
Мой *конверсэйшен* на язык английский,
И то, что я считал страной безбрежной –
Всего лишь только нитка побережья.
Что у тебя останется в заводе,
Что между нами скрытно происходит.
Ты мне подружка от соседей справа,
Или девчонка пьяная из бара –
К ней не пробиться, чтобы рядом сесть,
И, разложивши пару многочленов –

То отделить направо, то налево, –
С ней вместе в эмпиреи улететь.

Леониду Михайловскому

Не заладилось, а был большой мастак,
На зеро!– пока в удачу веришь.
Заведу себе я рыжего кота,
Научу его, как отпирают двери.

Он мне будет про свое кошачье петь,
Мышь на завтрак приносить по дружбе.
Говорят, что память может ослабеть,
Наплевать – там столько вех ненужных...

Я как раз не против подзабыть
О расчетах, стычках, переделках.
Мне б мальчишкой хоть часок побыть,
«Пацаном», «сынком», «козявкой», «мелким».

Я бы с толком этот час провел,
Я, будь спок, тогда б не растерялся –
Перочинный ножичек завел
И с дружкой, на память, разменялся.

Я еврей, говорящий на великом и могучем.
Который, не взирая на легкий налет шипящих неблагозвучий,
Позволяет мне в ритме стремительного аллегро
Высказать все, что я думаю по поводу моего соседа-негра,
Или моей соседки, имеющей дурную привычку всей массой
Выгуливать собачку прямо у двери, не отходя от кассы.
Что мне не нравится в русском языке? – Да, так, ерунда,
Сослагательное наклонение и слова *авось* и *получится как всегда*.
Зато есть в нем шикарные вещи, да не одна.
Например, слова *водка*, *хорошо сидим* и *ни хрена*.
В отношении меня трудно подобрать эпитет к слову «поэт» –
Русский, еврейский – да?, нет?
А, может быть, даже, и австралийский,

Я ведь здесь уже двадцать лет разбавляю виски,
И могу отличить эвкалипт от пальмы и коала от кенгуру.
Впрочем, самое лучшее – никак не вестись на эту муру.
Я еврей, говорящий на великом и могучем
И не вижу причин поменять его на чтонибудь получше.

Парад личностей

Ать-два-три, ать-два-три, в ногу шагает рота
Даже младший сержант в роте вовсе не Швейк, а кто-то
Даже ефрейтор Гитлер с одной тонкою лычкой
Изъят из тягучей массы, тянет почти на личность.
Хиппи расширили парад личностей за горизонты
Гребень на темени - давай чеши, дуй в авангарде роты.
Кожу прижизненно сдал внаем – чем тебе не пергамент –
Картиной примитивиста живи, словно в реке пиранья.
Серьгой литого золота в ухе грешили даже пираты,
Самый дешевый неадекват – первый встречный патлатый.
Самозванный ефрейтор – тот, кто себе сам изготовил шишку
Или совсем расхрабрился и – накарябал «про это» книжку.

Одиссея

Норд-ост выпадает или зюйд-вест
Неважно – вали на случай.
Такой интерес к перемене мест
Неволи ничуть не лучше.

Билет, багаж и в аэропорт –
Прощанье без слез, без славы.
С вещами на выход и кончен спор
Пендалем от державы.

А выпало, значит – далекий зюйд,
Где пальмы и небо в перистых,
Вместо метели – бриз с моря дует,
И чиновник ласково щерится.

Улыбается, словно что-то нашел
(Картавый бы так зырил на буржуазию).
Им здесь, наверное, очень хорошо –
Повезло, что далеко от России.

О чем то скромном мне говорит –
Не догоняю со школой советской,
У меня же только факультативно иврит
Да еще со словарем немецкий.

Возможно, что-то насчет погоды
Вроде, у них так принято.
А мне придется еще с полгода
В ответ лишь: «Йес! Йес!». Вот именно.

Б.В

Словно падает снег – снегопадом идет листопад
И дурман-потаскун очумелыми строчками вторит.
Ты одень для меня свой любимый, парадный наряд.
Календарь, календарь, ты взбесился от праздников что ли.

Провоцируешь, дразнишь своим легковесьем одежд,
Выставляешь на свет все что есть, словно скарб ногорельца.
Черт с тобой, я согласен, еще не последний рубеж,
Не война, чтоб декабрь зарядить аргументом для немца.

Мы тебя пригласим, если хочешь, присядь за наш стол,
Станем шутки шутить, полнить влагой игристой бокалы,
Капать в кофе коньяк, но в умеренной дозе, а то –
Как бы нас всех троих не погнали в три шеи из зала.

Черные паруса в море у самой кромки
Два косых лоскута в дымке у горизонта
Хищные два клыка движутся в струях синих,
С берега видно, как – с потусторонней силой.

Где-то гнездовье ее – там, в голубой лазури
Вечная тайна бездн сводит с ума до дури.
Но сохранению ее парус далекий верен,
И остается вне тайны песчаный берег.

Обожаю свой город –
Он неисчерпаем, куда ни ткни указательным пальцем.
Я забираюсь в складки его и поры,
Каждая вылазка как секретная военная операция.

Марш, марш – куда капризный турист не потащится нипочем –
Слишком пресно, но ландшафтному лирику в масть:
«Мой дом – моя крепость» – это такой бином,
За который – хоть обоями торговать.

Встретится на тротуаре фрачный милорд –
Не верь, он скорей всего клерк из банка – совсем не Дон,
А в школе, что с виду, ну, чисто, Оксфорд,
Ребенка только тому и научат, что Англия – дом.

Но, говорят, здесь нередко случается (и это так здорово,
Значит о будущем моего города беспокоиться нечего),
Что та, которая является яблоком раздора,
После драки выбирает потерпевшего.

И здесь становится ясной (не выдумка – наяву!)
Простая как мычанье коровы истина – слушайте, слушайте:
Ведь революции случаются не оттого, что где-то плохо живут,
А оттого, что где-то живут лучше.

А я никогда не отращивал пейсы,
Но бабушка – Йоха, но дедушка – Ейшка...
(Родители – это другая заноза,
Но бабушка с дедушкой религиозные).
Я жизнь положил, чтобы их не стесняться,
Над ними, чтоб всем угодить, не смеяться,
Чтоб вспомнить, вздохнув, про их «кугел» и «шейку»,

О сладостях праздничных вязуще-клейких,
Припомнить их вещи с душком довоенным,
Что были на рынке предметом обмена,
Пасхальные рюмки с серебряной вязью,
Когда за столом все – из грязи да в князи,
Машинку с готической надписью «Зингер»,
Где платья тачались для Соньки и Зинки,
Чтоб вспомнить еще, кроме чая под сушку,
Как нежно они обожали друг дружку,
Как множились складки их лиц от такого,
О чем промолчали цека с синагогой.
Как смерть за полшага таскалась за ними
Косила вокруг, как колхозную ниву,
Как я прогибался, как было мне плохо,
Что дедушка – Ейшка, что бабушка – Йоха,
Каким был скупым на любые усилья,
Чтобы за это меня простили.

Так древнюю книгу хранят и лелеют,
Листают ее, а прочесть – не умеют.